

ГЕН ТАРАСОВ

ИСТОРИИ РАЙОННОГО СЕКС-ШОПА

Ген Тарасов

Истории районного секс-шопа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42388907

ISBN 9785449668486

Аннотация

Цикл рассказов о незадачливом продавце секс-шопа в одном небольшом курортном городке. Славик, так зовут моего героя, в такой экзотический бизнес попал случайно, так что он своего рода попаданец. Личность не бог весть какого масштаба, однако определенными моральными принципами обладает, что позволяет ему выжить в создавшихся условиях. Мало-помалу он становится философом со своим оригинальным взглядом на жизнь. Ну, а жизнь не дает ему скучать, направляя в магазин разнообразных посетителей...

Содержание

Это что-то мне напоминает...	5
А нет ли чего поменьше?	9
Дарите женщинам трусы...	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Истории районного секс-шопа

Ген Тарасов

© Ген Тарасов, 2019

ISBN 978-5-4496-6848-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это что-то мне напоминает...

Входная дверь звякнула, скрипнула, грюкнула, стукнула, и на пороге, кашляя, сипя и отдуваясь, появилась посетительница. Положив руки на поясницу, она выпрямила спину, огляделась по сторонам и сказала: «Все это мне что-то напоминает».

Славик из-за прилавка посмотрел на вошедшую, задумчиво поскреб трехдневную щетину на подбородке и мысленно оценил: «Да, этой девушке лет триста...» Покачал головой, вздохнул и, поднявшись, приступил к выполнению своих обязанностей продавца секс-шопа, в число которых в том числе входили бесконечное терпение и приветливость со всеми. Но именно сегодня он не был склонен ни к тому, ни к другому.

– Не представляю себе, что тут что может напоминать. По моему, все предельно ясно. Что есть – то оно и есть.

Голова его временами трещала, временами гудела, с женой вчера нехорошо получилось – да, можно сказать, совсем не получилось, потому что был не сильно, но крепко выпивши, так что сегодня он не был настроен любезничать и миндальничать ни с кем.

– Да как же, – возразила старушка. – Здесь многое мне

что-то напоминает. У меня сейчас даже возникло такое чувство, будто я с чем-то таким в свое время даже имела дело.

– Да кто бы сомневался, – буркнул Славик.

– Вот вы мне напрасно не верите, – загорячилась старушка.

– Ну что вы... – попытался возразить Славик.

– Нет-нет, я вижу, что вы переполнены скепсисом.

– Это не скепсис... Скорей сепсис... Просто еще не отошел от вчерашнего.

– От чего вчерашнего?

– Ну, это... как... Не выспался... Не проспался...

– Эх, молодежь, молодежь! – переполнилась восторгом посетительница. – Я в ваши годы тоже не спала до рассвета.

– Вот, – кивнул головой Славик. – Значит, вы понимаете.

– Нет! Не понимаю и никогда не понимала, как можно столь бездарно упускать все эти прекрасные моменты...

– Подумаешь, выпили немного лишнего!

– Выпить немного лишнего можно и в старости. И даже немного больше лишнего – это я вам по секрету говорю.

– Правда? – оживился Славик. Несмотря на тошноту и хотение пива, разговор начинал его забавлять. – Желаете поделиться опытом?

– Глупый, глупый молодой человек. Опыт – что? Переживание. Переживания следует переживать, проживать лично, а не пускать слюни под чужие рассказы. Только такой опыт останется с вами и в старости, и после... И все же, эта штуч-

ка определенно мне что-то напоминает.

Старушка подошла к витрине и взяла с нее черный гелевый девятидюймовый вибратор. Оценивающе прикинула на руке массивную игрушку и в задумчивости протянула: – Однако...

– Впечатляет? – вкрадчиво поинтересовался Славик.

– Скорей забавляет. Но...

– Что-то напоминает? – капнул иронии Славик.

– Ну, вот в таком положении, – и она перевернула вибратор лихо задранной головкой книзу, – напоминает ваш нос. А вот в таком... – и она вновь запустила орла в небеса, – в таком положении оно мне что-то напоминает, но я никак не вспомню что. Но, не смотря на это, в таком положении оно мне нравится значительно больше.

– И не мудрено, – подытожил Славик. – Он и создан с таким расчетом, чтобы в этом положении нравиться больше.

Он был немного обижен за свой нос, который на самом деле обвисал книзу небольшой сарделькой. Но старушка была столь беззлобной, так вся светилась добротой и детской радостью перед лицом удивительного чуда жизни, что Славик решил не таить обиды и не зацикливаться.

– А он еще вот что может, – начал удивлять он и включил вибратор. Старушка, держа игрушку двумя руками, взвизгнула от восторга. Славик повернул крышечку-регулятор и увеличил вибрацию до максимума. Старушка залилась счастливым смехом.

– Я поняла! – крикнула она. – Я вспомнила. Этой штучкой можно взбивать сливки!

– Можно и сливки, – устало и как-то даже печально согласился Славик. – У нас еще много разных взбивалок есть. – И он быстро показал, каких взбивалок есть: и шарики, и плужки, и различные вибронасадки и виброкольца, и даже помпа с вибратором.

А когда показ завершился, посетительница сказала:

– Хорошо! Я рада, что случайно забрела к вам. Жизнь открыла мне удивительное место, и я обязательно зайду к вам еще. И, быть может, – да нет, наверняка – куплю себе вот эту замечательную черненькую взбивалку...

– Скажите, мадам, – Славик учтиво склонил голову, – не сочтите мой вопрос дерзостью, но, мадам, сколько вам лет?

– Вы, молодой человек, инстинктивный природный хам, – беззлобно сказала старушка. – На природу нельзя обижаться, поэтому я вам отвечу. И отвечу я вам так: меньше, чем вы думаете, но больше, чем мне хотелось бы. Адью...

Когда седое видение растаяло в пространстве, оставив после себя сияние радости и флюиды счастья, Славик почувствовал прилив то ли вдохновения, то ли настроения. Он любовно почесал свой нос, после чего сбегал в соседний ларек за пивом. Жизнь явно посылала ему позитивные сигналы, и ни в коем случае нельзя было их игнорировать. Да он и не собирался их игнорировать, нет, нет!

А нет ли чего поменьше?

Дама вертела в руках вибратор-реалистик, выполненный в натуральную величину с мельчайшими, несколько идеализированными подробностями, вертела, придирчиво разглядывая, оценивая и примериваясь.

– А нет ли чего поменьше? – спросила она, наконец.

Славик, давно уже безучастно за ней наблюдавший, принял позу участника событий и спросил печально:

– А зачем вам это?

– Мне надо меньше! – отрезала посетительница.

– Надо – значит надо, – вздохнув, согласился Славик и подал женщине латексного красавца несколько меньшего размера.

Женщина, мельком взглянув на устройство, не притрагиваясь отмела его прочь категоричным движением загнутого маникюром ногтя.

– Да нет же. Не то! Мне надо меньше!

Славик покачал головой.

– Так вам самый маленький, что ли? Дамский пальчик? Так бы сразу и сказали.

Он сгреб с полки целую пригоршню веселых и веселящих безделушек и высыпал все это богатство на стекло перед гла-

зами слегка ошеломленной покупательницы. Брови на ее лице поползли вверх, явно требуя объяснений.

– Объясняю, – сказал Славик, – хотя, что тут, собственно, объяснять? Все предельно ясно и понятно, как и требуется для прекрасных дам. Вот металлические, вот латексные, пластмассовые, гелевые, в форме помады, в форме кисточки... Но, знаете, я думаю, что вы, женщины, слишком склонны преуменьшать, преувеличивая одновременно.

Его собеседница на полшажка приблизилась к нему из своей отстраненности.

– Что вы такое говорите? – спросила она. – Вы вообще о чем? С кем разговариваете? Я вас не понимаю.

– Да тут и понимать нечего. Женщины любят окружать себя маленькими вещицами, что, наверное, в какой-то мере дает им возможность ощущать себя миниатюрными и легкими на подъем феями. Маленькая-маленькая шляпка, маленькая-маленькая сумочка, маленький-маленький зонтик, пакетик, коробочка... Маленький-маленький вибратор. Но при этом шляпка должна закрыть личико от солнца, зонтик должен защитить ее от бури, сумочка так и вовсе должна вместить вселенную... Ну, а маленький вибратор должен восхитить ее всю! А я скажу вам так: больше – не меньше. Всегда можно попридержать немного, а в случае необходимости – добавить. Что, согласитесь, совершенно невозможно при самом маленьком размере.

– Вы с ума сошли... – выдохнула посетительница. Глаза

ее округлились от ужаса, губки сложились в гузку, что в целом будило намек на строгость и целомудрие. И убила все, смела прочь единым движением ногтя: – Уберите! Уберите это немедленно!

А когда пространство было расчищено от всяческого непотребства, она упрямо возобновила запрос:

– Мне надо меньше!

Славик с минуту молча смотрел на нее в упор, а потом изрек по слогам:

– Женщина! Вы вставили меня в тупик. Я требую объяснений!

Дама в легкой досаде передернула плечами.

– Ну, как вам объяснить! Даже не знаю... Женщина меня поняла бы сразу. Но ведь вы не женщина, правда?

Славик сохранял спокойствие и невозмутимость. Он знал, что с таким контингентом могут выручить только эти личностные качества.

Женщина покачала головой.

– О-о-о, как все запущено! – протянула она. – Тяжелый случай. Словом, слушайте, вы, недотепа, элементарного не понимающий... На прошлой неделе моей подруге подарили вибратор. Ну, там, один знакомый... Не важно. Вот такой, – она раскинула руки. – Она мне потом, вы понимаете, после этого, сказала, что ей было немного, чуточку неудобно. А мы с ней как сестры-близняшки. Теперь понимаете? Мне нужен такой же, – она кивнула на установленный вруч-

ную размер, – но чуточку, на самую малость поменьше!

И, гордясь собой, довольная тем, что так удачно все объяснила и выкрутилась из неудобного положения, она победно посмотрела на Славика.

Славик был восхищен. И не только ее объяснением. Он был восхищен самой женщиной, как неизменно восхищался клиентками, отважно выбиравшими такой размер.

– Десять дюймов, – на глаз определил он и снял с полки солдата на полдюйма ниже ростом. – Вот, пожалуйста, кажется это то, что вам нужно.

– А ну-ка, дайте... Вот-вот-вот... – осторожно, словно он был из стекла, она приняла бойца двумя руками. Глаза ее потеплели. – То, что нужно. Я же говорю вам – поменьше, а вы мне все какую-то ерунду подсовываете, понять не можете, о чем вас спрашивают.

Уже уходя, расплатившись и спрятав покупку в свою маленькую бездонную сумочку, она неожиданно ласково потрепала Славика по щеке.

– А вы не так безнадежны, как кажетесь на первый взгляд, мой мальчик!

Славик смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверью, прикидывая и так, и эдак, как же все-таки столь большое может помещаться в столь малом. «Парадокс», – решил он про себя. Потом усилием воли изгнал прочь фривольные, явно навеянные кем-то мысли. Есть, есть в мире вещи, над которыми лучше вообще не задумываться. Понять их все рав-

но невозможно, а внутренняя сбалансированность чувств за-
просто может быть нарушена.

Дарите женщинам трусы...

– Меня сдувало с земли ветром одиночества... – так начал свой рассказ мужчина средних лет и среднего роста, показавшийся Славику стариком по причине его, Славика, молодости. Был он широк в плечах, и в своем кожаном пиджаке походил на широкое и удобное кожаное кресло. Он вошел сразу после открытия, подошел к прилавку, положил на него правую руку и без предисловий начал свой рассказ:

– Меня срывало с земли ветром одиночества. Я проснулся внезапно, словно от сильного толчка или пинка, и тотчас ощутил, что кроме меня во вселенной нет ни единого человека. Я едва не закричал от ужаса. Я схватился за одеяло и попытался натянуть его на голову, но ледяной ветер вырвал его из моих рук. Потом он сдул с меня белье, а после содрал и мясо с костей. А потом, когда уже не было ни сил, ни возможности сопротивляться, зашвырнул и меня незнамо куда. И это было реальное падение в бездну, в пустоту, в некую трещину между различными уровнями пространства. Причем, это был не тот провал, который ощущаешь, падая на американских горках, потому что там, за страхом и трепетом душевным, все равно сохраняется знание, что – аттракцион, что – понарошку, что стоит еще немного поужа-

саться и потерпеть, как начнется обратное движение вверх или случится остановка. Нет, я испытывал совсем другое – то было падение в никуда, в прорву без дна, в бесконечность. И чувство падения, каждая секунда которого тянется минуты и часы, и ожидание удара, боли, катастрофы, и невозможность прервать падение, отвернуть, отменить – все это превратилось в бесконечную пытку предчувствия чего-то ужасного, что должно было уже давно наступить, но по какой-то причине все откладывается, но вот-вот наступит все равно. Это ожидание пытки было страшней самой пытки, было самой пыткой, цепляло за живое и выворачивало наизнанку.

Потом все внезапно прекратилось. То есть совсем все – что было, что не было – все сравнялось и перестало существовать. Тут я вдруг ощутил, что кончилось само время. Я ощутил, КАК оно перестало быть. Это очень странное и необычное чувство, его практически невозможно описать, но, испытав раз, запомнишь навсегда. Если переживешь, конечно. С чем можно это сравнить, чтобы вам было понятней? Даже не знаю...

Он глубоко задумался, наморщив лоб, при этом лицо его потемнело, было видно, что мысли его тяжелы и малопривлекательны.

– Не знаю... Ну вот, быть может, что-то отдаленное... Вообразите, что вы внезапно обнаруживаете в себе некую странность, еще мгновение назад странности не было, и вдруг вы понимаете, что она есть. Вы в одночасье понима-

ете, что ваше сердце по-прежнему живое – вы ощущаете, что оно живое, в нем есть и тепло, и эхо жизни – но оно не бьется, не вздрагивает, не замирает, оно неподвижно и практически мертво. И вы тоже фактически умерли: кровь не течет в ваших венах, ни одна жилка не бьется, не пульсирует, вы не дышите, а ваши легкие разрываются от жажды глотка воздуха. Но вы ведь не хотите умирать? И я не хотел, но я все это ощущал, переживал, я был почти трупом, я ощущал себя им – почти, но это «почти» – это что-то в моем сознании, что не хотело, не соглашалось, сопротивлялось и потому – страдало... А когда я понял, что страдаю – наступило время страдания. Не было времени, ничего не было, ничего кроме страдания. Было страдание и его время. Огромный океан, целая вселенная страдания, и во всем этом – я, песчинка малая, которую снова, в который уж раз, подхватил жесткий вихрь и увлек за собой во все уголки и закоулки этого мира страданий, для того лишь, чтобы показать мне все их разнообразие, чтобы все-все я испытал на себе. И я испытал... Незабываемо, неизгладимо, неистребимо из памяти... Вы не понимаете, не можете понять и поверить, не можете вообразить и представить... Каждая мысль, малейшее движение, биение мысли обрушивали мое сознание, мое эго в бездну страданий, причем каждая мысль вызывала в ответ некий поворот, некий нюанс страдания, и было ясно, что тот, кто отвечал за постановку, мастер по страданиям, был неистощим на выдумку.

Воспоминания... Это не совсем мысли, это нечто другое, иная субстанция души или сознания... Они сопровождались страданиями другого рода. Воспоминания всплывали из недр памяти, всплывало такое, о чем я давным-давно и думать забыл, прошлые страхи, потери и стыд, они вспучивались гигантским пенным пузырем и с размаху налетали на такой же пузырь мыслей, все это аннигилировало и адской мукой разносило, что там еще оставалось от меня, на атомы, на нейтрино... А когда все разлеталось в разные стороны, в центре, на месте взрыва, оставалась одна единственная мысль: «А за что мне все это?» – и мысль эта причиняла особенные страдания.

Хочу вам, однако же, заметить, что ни в коем случае не следует отождествлять страдания с болью. Страдания – удел душевный, боль перепахивает физику – совершенно разные вещи. Так вот, боль, настоящая боль началась тогда, когда мне показалось, что я нащупал ответ на главный вопрос – за что же мне все это? Боль пришла с вернувшимися в исходную точку нейтрино и вошла в меня, в мое воссоединившееся тело одновременно со всех сторон. Я умер бы вмиг от ее ярости, если был бы на это способен, и если бы так было запланировано мастером боли. Но он видимо преследовал совсем иные цели. Он посмеивался надо мной. Боль ворвалась в меня внезапно и сразу, и в то же время она продолжала просачиваться в меня медленно, капля за каплей, используя каждую щелочку, каждую складочку, клеточку моего тела,

и мне, погребенному в мире страданий, такая дополнительная нагрузка совсем не понравилась.

Боль и страдания уничтожили меня окончательно. Я потерял себя. Воспоминания, мысли, образы, чувства, ощущения – все исчезло без следа и безвозвратно. Не осталось даже воспоминаний о воспоминаниях, о том, что они вообще бывают, что собой представляют и как выглядят. Все превратилось, трансформировалось ни во что. Было все и вдруг-ничто. Ничто, до краев наполненное болью, страданием и прочим подобным дерьмом. За них-то, за боль и страдания, не знаю уж как, я и зацепился и, словно Мюнхгаузен за косу, вытянул себя из трясины ничто обратно.

И тотчас обухом между глаз снова грохнул вопрос: За что мне все это? Все вспыхнуло, из глаз посыпались искры, и ослепительным факелом в возродившемся сознании загорелся ответ. Чтоб ничего не забыть и не потеряться вновь, я быстро вскочил с кровати, оделся и выбежал из дому. Там, за стенами, природа сырела и пучилась серым рассветом. В утренних сумерках медузами плавали силуэты людей, но мне все казалось, что не люди это вовсе, а такие же, хоть и облизанные туманом, осколки людей, как и я. Ночь прошла, осталась позади полосой препятствий, огненным рубежом, прихватив с собой мою боль, страдания и весь остальной кошмар... Но остался страх, что все может вернуться, поэтому я бежал и бежал вперед по пустынным улицам пока совсем не рассвело. И тогда я вошел в первую, попавшуюся

на глаза открытую дверь... Куда, кстати, я попал, где оказался?

– Это секс-шоп, – сказал Славик. – Милости просим.

Мужчина, раскинув руки, огляделся по сторонам:

– Ба! Надо же, как символично!

– В чем, простите, символ? – полюбопытствовал Славик.

– Все просто: смерть и рождение всегда рядом. Надо где-то умереть, чтобы где-то родиться, родившись же, все одно снова придется умирать. А где же еще рождаться, как ни в секс-шопе, а? Секс-шоп – символ рождения, ведь верно? Хотя... я все о своем, и это быть может не слишком понятно.

Возникла пауза, во время которой Славик пыжился сообразить, как ответить достойно необычному посетителю, да и стоит ли отвечать, но так ничего и не успел, ни ответить, ни сообразить. Начавшую уже позвякивать напряжением тишину взломал бой колокола. Человек-кресло отодвинулся от прилавка и достал из заднего кармана брюк телефон.

– Да, дорогая, – заговорил он. – В секс-шопе, где же я еще могу быть с утра пораньше? Не шучу... Ладно, не буду... Конечно, дорогая, помню. Да, не волнуйся... Скоро буду.

Он сунул телефон в карман и снова обратился к Славiku:

– Жена, – он сделал неопределенный жест рукой – спрашивает, не забыл ли я, что сегодня день свадьбы. Нашей свадьбы. Помолчал и добавил с нажимом: – Серебряной. Вы не знаете, почему женщины считают этот день праздником?

Славик пожал плечами. Он считал себя еще молодоже-

ном, и на этот счет собственных мыслей у него не было.

– Вот и я не знаю. Но ощущение такое, что это их ежегодный День Победы, про который никто не вправе забывать. А тем более уж тот, кому эта победа всю жизнь выходит боком... Ну, что посоветуете в подарок по случаю дня бракосочетания?

Славик сделал широкий охватывающий жест:

– Да, что угодно! Белье, вот, красивое...

– Белье? И трусы есть? Стринги? Очень хорошо! Давайте вот эти красные, триумфальные, с бабочкой.

Славик потянулся за указанной вещью.

– Понимаете, – начал он вкрадчиво, достав указанный раритет, – наши трусики – это скорей символ, чем белье. В этих, например, кроме бабочки и трех резинок ничего нет...

– Символ? – неожиданная мысль захватила мужчину врасплох, но он был не из тех, кого можно было вот так, за здорово живешь обезоружить с налёта, и с мыслью он справился. – А ведь верно! Символ! Символ любви, победы, капитуляции – чего угодно! И чем меньше в них материи, тем более весом сам символ. Подарите женщине трусы, и она, по крайней мере, умолкнет на час-полтора, будет соображать, что бы это значило, что за символ?.. Заверните!

Он расплатился и, сунув пакет в карман пиджака, направился к выходу, бормоча себе под нос: «...бабочка... хм... бабочка...»

У самой двери Славик настиг его вопросом:

– Простите, пожалуйста!

– Да? – мужчина, тяжело развернув корпус, оглянулся, на сколько позволило достоинство и тело.

– Ответ. Ответ на вопрос. Что вы узнали?

– За что мне все это? А ни за что, в том-то все и дело!

Нас, каждого, в любой момент вот так может взять в оборот за то лишь, что мы живем на белом свете. Каждого. И зачета за это испытание не бывает, то есть каждого может колбасить столько раз, насколько у него хватит сил и терпения. Хотя, быть может, я ошибаюсь. Может быть прав тот, кто утверждает, что наказания без вины не бывает. Тогда виной может служить лишь сама жизнь или способ ее проживания. Живешь – плати, страдай. И встряски нам устраивает мастер встрясок для того, чтобы мы поняли, осознали, наконец, для чего живем. Мы для того и живем, чтобы понять, для чего живем. Но я, кажется, еще не понял этого. Значит, не избежать мне другой веселой ночки. Так что – ждите в гости, не исключено, что наведаюсь к вам еще раз, дорогу теперь знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.